

Чиновники беззастенчиво покушались на здание Независимого центра культуры, где граждане проводили досуг, и одну за другой засылали в центр комиссии, чтобы те нашли, к чему придраться. Не потому, что там, наверху, были против культуры. Ничего подобного. Просто культуру можно переселить в спальный район, ничего с ней не сделается. А освободившийся особняк выгодно сдать в аренду какой-нибудь крупной фирме.

Нынешняя группа проверки состояла из двух человек. И женщина, и мужчина были в очках и держали в руках по портфелю.

— Какие у вас сегодня мероприятия? — спросил мужчина, сверху вниз глядя на директора центра, Николая Ефимовича Шепоткова.

Маленький и толстый Шепотков бежал рядом с проверяющими и смотрел на них подобострастно, как собака, встретившаяся с хозяевами после долгой разлуки.

— Мероприятия? Э-э-э... Надо спросить у Лаймы, — ответил он.

— Это еще кто?

— Лайма Скалбе, наш распорядитель. Распорядительница, — уточнил он, открывая свой кабинет. — У нее все под контролем.

Лайма Скалбе действительно все держала под контролем. Коллеги по центру считали, что она так и родилась — в деловом костюме и с решительным выражением на лице.

— У Лаймы всегда все идет по плану, — еще раз заверил комиссию Шепотков. — Никаких эксцессов.

И тут помещение центра огласил истошный женский крик. К нему присоединился топот множества ног, грохот и высокий поросячий визг. Шепотков бросился к двери, толкнул ее ладошками и вывалился в холл.

— Что, пожар? — крикнул он, увидев толпу людей, несущуюся к выходу. — Не волнуйтесь, товарищи, мы оснащены огнетушителями! — На бегу он извернулся и заверил семенящих за ним ревизоров: — Мы всем, чем надо, оснащены! На случай эксцессов...

Лайма Скалбе тоже услышала крик и поспешила на место происшествия. Мужская половина комиссии, увидев ее на лестнице, тихонько хрюкнула. Распорядительница была что надо — светленькая, длинноногая, большеглазая. Если бы не высокомерный вид, ее можно было бы назвать хорошенькой. Даже очень хорошенькой. Ревизор вздохнул. Он всегда считал, что карьеристки губят на корню собственную привлекательность. В самом деле: можно ли увлечься женщиной, которая разговаривает командным тоном и мгновенно принимает решения? Эта прилизала волосы и надела туфли на низком каблуке — специально, чтобы выставить на первый план свои деловые качества и завуалировать женские. Честное слово, глупо.

Лайма схватила за руку пробежавшую мимо расхристанную мадам, которая тонко подвывала на ходу, и требовательно спросила:

— Что случилось?

— Яков Семенович! Яша... — запричитала мадам, вырываясь. — Он забрался на крышу и собирается прыгнуть вниз! Ужас, ужас!

«Так я и знала, — обреченно подумала Лайма. — Сегодня непременно должно было произойти что-нибудь отвра-

нительное». Она еще утром поняла, что день не задастся. Ночью шел дождь, и пиджак Болотова, забытый на спинке стула возле открытого окна, безнадежно намок. Болотов рассердился и принялся Лайме выговаривать:

— Я точно помню, что после программы новостей попросил тебя повесить мою одежду в шкаф. Мне как раз позвонили, и я ушел в другую комнату. — Он переключал глазунью из сковородки в тарелку, аккуратно поддевая желтки лопаткой. При этом ни один не растекся: у Лаймы так никогда не получалось. — В доме должен быть порядок. Если разбрасывать вещи, жизнь превратится в хаос. У моей младшей сестры всегда все вверх дном. Когда она собирается на работу, дым стоит коромыслом. Тебе такое и не снилось.

Лайма едва заметно усмехнулась. Знал бы Болотов, в каком сумасшедшем доме она выросла! Ее мать была художницей, творческой личностью, и поэтому они жили, как хиппи. В доме постоянно ночевали посторонние, все они ели, пили и творили, не обращая никакого внимания на девочку. Уроки ей приходилось делать среди куч баракла, в комнатухе, пропахшей красками, олифой и растворителями.

В точности так жили сейчас ее бабка и тетка. Они собирали по помойкам ветхую мебель, приводили ее в порядок и расписывали цветами и фигурами фантастических животных. Некогда шикарная квартира с большим холлом, кладовками и лоджией стала похожа на разгромленный склад старых вещей. На сегодняшний день две эти женщины оставались единственными родственницами Лаймы. Она любила их, но жить, как они, отказалась категорически. И изо всех сил боролась с генами, которые то и дело подбивали ее на всякие глупости.

Болотов, педант и чистюля, высоко ценил Лайму именно за те качества, которые она приобрела в долгой и упорной борьбе с собой.

Встряхнув головой, чтобы отогнать посторонние мысли, Лайма поспешила вслед за бегущими людьми и остановилась рядом с вахтером, который топтался возле распахнутой двери на улицу. Снаружи собралась огромная толпа взволнованных людей.

— Яков Семенович! — закричал мужчина в клетчатой рубашке, сложив ладони рупором и задрав голову вверх. — Ты же взрослый человек! Подумаешь, Мишка тебя обставил! Это же не конец света. Из-за такого с крыши не прыгают.

Лайма не стала тратить время на то, чтобы своими глазами увидеть мятежного Якова Семеновича. Вместо этого она попыталась узнать у вахтера, в чем суть дела.

— Вот, клуб «Рыболов» в полном составе взбаламутился, — охотно объяснил тот. — Яков Семенович был уверен, что стал победителем конкурса — выудил из речки самую большую рыбку. А когда начали мерить — оказалось, что его улов только на второе место тянет. Вот он и психанул. Подсуживают, говорит. Старый дурак! Ему бы дремать в скверике с газеткой, а он вон что — с крыши сигать.

Лайма развернулась и побежала в свой кабинет, вызывать пожарных и милицию. Шепотков вместе с комиссией двинулся вслед за ней. И тут прямо им под ноги бросился огромный серый кот с черным ухом. Ревизор едва не полетел вверх тормашками на пол и раздосадованно воскликнул:

— Что это у вас?! Звери носятся, как в зоопарке!

— В малом зале заседает клуб любителей кошек, — на ходу пояснил Шепотков. — Есть еще клуб любителей домашних грызунов, они обычно собираются в красной гостиной. А собачники — те на терраске любят.

— Черт знает что, — пробормотала разгневанная комиссия, продолжая бег трусцой. — Развели культуру...

Наконец Лайма ворвалась в кабинет и бросилась к телефону. Быстро и деловито обрисовала ситуацию дежурному

по городу. Шепотков и сопровождающие столпились тут же, жадно глядя ей в рот.

— Сто лет у нас ничего не случилось, — посетовал директор, обернувшись к ревизорам. — А вот вы пришли — и нате вам!

Не успел он закончить, как в кабинет постучали.

— Да! — хором крикнули все четверо. — Войдите!

Дверь распахнулась, и на пороге появилась молоденькая девица — растрепанная и несчастная. Глаза у нее были огромные и дикие, а к груди она прижимала младенца в цветастых ползунках и чепце с оборками.

— Лай... Лай... — начала девица, пытаясь отдышаться.

— Спокойно, мамаша, — сказала ревизорша. — Не надо нервничать.

— Да я... Да вот... Я так торопилась...

— Такое впечатление, — встрял Шепотков, — что вы бежали по дикому лесу и за вами гнались дровосеки. Ну, что вы стали как изваяние? Все в порядке, волноваться нечего. Несите своего ребеночка домой, мы тут сами разберемся.

— Это не мой ребеночек! — воскликнула девица, и в тот же миг Лайма ее узнала.

Девчонку звали Олесей, и служила она нянькой у Лайминой подруги Сони Кисличенко. На руках у няньки, без сомнения, сидел десятимесячный Петя, Сонин сын.

— Олесея, это ты! — испугалась Лайма. — Что случилось? Что с Соней?

— Софья Аркадьевна куда-то подевалась. Исчезла она, — выпалила девица, и крупные слезы покатались по ее пухлым щекам и обкапали ребенка. — Ее уже третий день как нету. А у меня билет на поезд, я к мамке собралась. Мамка меня встречать будет, как же я не приеду? Я уж и сумку сложила, и гостинцев понакупила, а хозяйка-то все не приходит и не приходит.

— И ты только сейчас об этом говоришь? — ахнула Лайма. — Уже три дня прошло!

— Откуда я знаю, почему ее нет, — немедленно оцетинилась девчонка, и слезы высохли на ее молодых щеках как по мановению волшебной палочки. — Она, может, по личным делам отсутствует. Уходила, вся из себя накрасилась и начесалась. — Олеся подошла поближе и сунула пухлощекое ребенка Лайме. Понизила голос и добавила: — Папашу Петенькиного Софья Аркадьевна собиралась оповестить о том, что он — папаша. Он вроде как не в курсе был. Она говорила: «Трудно мне, Олесенька, одной сыночка поднимать. Не вытяну. Пусть этот негодяй тоже впрягается».

Лайма сомневалась, что Соня выразила свою мысль именно такими словами, но сейчас ее меньше всего интересовали частности.

— Ты кому-нибудь сообщила? — спросила она, легонько подбрасывая упитанного Петю, который подозрительно сопел у нее на руках.

— Да кому ж сообщать? — удивилась нянька. — У Софьи Аркадьевны мамы-папы под боком нет, она сама говорила, что далековато вся ее родня, аж в Сибири.

— Почему же ты мне не позвонила? — не унималась Лайма. — Трое суток!

— Да... Телефонную книжку я найти не могла, весь дом перерыла. А мне уж ехать! Тут я и вспомнила, как мы однажды мимо этого культурного дома проходили, а Софья Аркадьевна и говорит — вот тут моя подруга работает, Лайма. Ну, я вас в лицо-то пару раз видела и решила, что запросто отыщу. Петеньку в коляску положила — и бегом сюда. Ключи от квартиры вот...

Она шмякнула на стол связку ключей и посмотрела на Лайму с опаской — не воспротивится ли?

— Ты не можешь так уехать! — запротестовала та. — Надо пойти в милицию.

— Чевой-то не могу?! — завопила девчонка, наверняка ожидавшая возражений. — У меня и сумка собранная. Там стоит, возле коляски, у вахтера. В ней гостинцы и билет! Мамка меня будет ждать и сестры...

— Адрес свой оставьте, — встряла ревизорша. — Если что, вас милиция сама найдет. — Потом высунулась в распахнутую дверь, прислушалась и пробормотала: — Все еще шумят.

— Надо поглядеть, как там этот дурень Яша, — оживился Шепотков. — Прыгнул или все еще на краю крыши топчется?

Ему совершенно точно не хотелось находиться в одной комнате с младенцем, а тем более брать на себя ответственность за его судьбу. Поэтому он скоренько ретировался, а сумрачные ревизоры последовали за ним. Девчонка тоже попятилась, приговаривая:

— Адрес я вот тут написала, на бумажке... Я ж не дура, знала, что спросите. А в милицию мне зачем? Софья Аркадьевна ушла, ничего не сообщила... И когда придет, не сообщила. И не звонила даже. А больше я ничего не знаю. Так что в милицию мне ни к чему...

— Подожди! — крикнула Софья, пытаясь устроить сопящего Петю поудобнее. Он был тяжелый, как мешок с камнями, и норовил выскользнуть из рук.

Однако зря она кричала — девчонка улетучилась, словно дымок, подхваченный ветром. И даже дверь за собой захлопнула. Лайма не успела толком растеряться, как в кабинет снова кто-то постучал. Через минуту на пороге возникла одобная толстуха, преисполненная горя.

— Все кончено, — сообщила она трагическим тоном и вытерла тыльной стороной ладони заплаканные глаза. — Яша сдох.

Лайма так изумилась, что едва не выронила ребенка.

— Простите... — пробормотала она. — Как — сдох? Умер?

— Умер, — подтвердила толстуха. — Скажите, как я буду без него?

Она упала на ближайший стул и принялась раскачиваться, словно шаман, творящий заклинание.

— Неужели пожарные не успели?

— Что могут сделать пожарные в такой ситуации?

— Господи! — воскликнула Лайма. — Мне так жаль.

— Мне тоже жаль, — простонала толстуха. — Мой дорогой, любимый Яша! От него остались только усы... — она заплакала. — Усы и хвост...

— Хвост? — изумилась Лайма. — Простите... Какой хвост? У Якова Семеновича был хвост?

— Почему вы называете мою крысу по отчеству? — скинула голову толстуха. — Он был просто Яшкой. И его съели прямо на заседании клуба. Он выбежал из клетки, — пояснила она. — А тут кот. Серая скотина! Я и пикнуть не успела, как он вцепился в Яшу и потащил...

Лайма тоже села на стул. Ребенок принялся обсасывать нитку искусственного жемчуга, обвивавшего ее шею. Она машинально отобрала бусы, тогда Петька набрал в грудь воздуха и завопил так, что прибывшие к зданию центра милиционеры немедленно вооружились.

— Тю-тю-тю, Петенька, не плачь! Сейчас будем искать твою маму!

Лайма вскочила на ноги и начала расхаживать по кабинету, легонько потряхивая мальчишку. Перспектива ухаживать за ним в ближайшее время пугала ее невероятно. Все друзья и знакомые считали, что для Лаймы не существует неразрешимых ситуаций, что она сильная и храбрая. Лайма гордилась этим. Но младенец! Перед младенцем она ощущала

подлинный трепет. Одно неловкое движение — и ему вполне можно что-нибудь отдавить или отломить. Ужас.

Толстуха, у которой съели любимую крысу, наконец ушла. Когда она открыла дверь, Лайма увидела, что перед входом в центр стоит пожарная машина и бегают спасатели в жилетах. Судя по всему, Якову Семеновичу так и не удалось сигануть вниз.

Ребенок тем временем продолжал вопить, и Лайма окончательно разнервничалась. Она решила, что нужно срочно звонить в милицию. Чтобы Соня бросила свое чадо на целых три дня? Невероятно. Она была не из тех мамаш, которые пускаются в долгие загулы. Ах, если бы эта дурочка Олеся пришла к ней раньше! Три дня... С Соней наверняка что-то случилось. Может быть, она в больнице? Без сознания?

О самом плохом вовсе не хотелось думать. Лучше не размышлять, а действовать. Стоит поговорить с Любой Жуковой — вдруг она что-то знает? Люба, Соня и Лайма дружили уже много лет и знали друг о друге все. Или почти все. Однако звонить куда бы то ни было с вопящим Петей на руках никак невозможно.

— И что мне с тобой делать? — в отчаянии спросила Лайма.

Петя продолжал надсаживаться, широко разевая рот и демонстрируя луженое горло. «Девчонка что-то говорила про коляску», — вспомнила Лайма и отправилась к вахтеру. Навстречу ей попался директор, вытиравший пот со лба.

— Фу-х, — возвысил он голос. — Сняли подлеца. Сопротивлялся, как зверь. И не скажешь, что пенсионер. Вот и верь, что им пенсии на прокорм не хватает. Откуда только силища?

— Николай Ефимович, мне надо уйти. Пристроить мальчика.

— Ладно-ладно, — засуетился тот. — Несите его поскорее прочь, а то у меня от него внутри все вибрирует. Оручий какой попался! Дайте ему какого-нибудь корма, что ли.

К счастью, в коляске оказался полный набор для усмирения младенцев, включая пустышку и погремушку. Лайма накрыла Петю простынкой и дала ему бутылочку. Он впился в нее с такой жадностью, будто голодал много дней подряд.

— Вот тебе корм, — пробормотала она, наслаждаясь благословенной тишиной.

На улице к ней подошел высоченный тип с грубым голосом и выпяченной грудью. Заступил дорогу и сообщил:

— Моя фамилия Пупырников. Я из команды спасателей. Вы тут распорядительница? Давайте решайте, как быть с самоубийцей.

— Извините, — Лайма толкнула коляску вперед. — Мне сейчас немного не до этого. Директор сам во всем разберется.

— Ну-ну, — пробормотал спасатель ей в спину.

Она не обратила на его «ну-ну» никакого внимания. Давно прошли те времена, когда ее можно было смутить или сбить с толку.

Что же делать дальше? Везти ребенка в машине страшно. Вдруг он по дороге скатится под сиденье? Или они попадут в аварию? Да мало ли что. Лайма решила пешком дойти до Сониного дома и там организовать штаб поиска. В крайнем случае, вечером можно будет подключить к розыску Болотова.

Алексей Болотов олицетворял собою то, к чему Лайма стремилась всеми фибрами души, — стабильность. В бурном море нынешней жизни он представлялся ей берегом, к которому можно прибиться. Эдакой тихой гаванью, где она будет защищена от ветров и бурь. Да, конечно, она сильная, но даже самое крепкое дерево может вырвать с корнем налетевший ураган. Труднее ему справиться с двумя деревьями, которые сплелись корнями.

Впрочем, до сих пор Болотов сплетаться корнями не спешил. Они встречались уже два года, но о женитьбе он даже не заикался. И вот неделю назад Лайма не выдержала и сама сделала ему предложение. Дело было вечером, после похода на концерт они собрались распить бутылочку вина. Болотов как раз притащил из кухни бокалы и ставил их на маленький столик, когда она сказала ему в спину:

— Знаешь, нам надо пожениться.

Он разогнулся и медленно повернулся к ней. На лице у него появилось такое изумление, как будто Лайма только что подкралась сзади и стукнула его по голове.

— Зачем? — спросил он и захлопал глазами. — Разве сейчас нам плохо?

— Нам хорошо, но будет еще лучше, — заверила она его.

— Не понимаю, почему. — Болотов пошел пятнами, словно аллергик, понюхавший герань.

Лайма не ожидала, что предложение пожениться его так потрясет. Растерянность ему совсем не шла. Он был высокий, широкоплечий, осанистый. Крупный нос, резко очерченные скулы и бескомпромиссный подбородок дышали силой. Карие глаза лучились теплом. Иными словами, выглядел он героически. Его вполне можно было принять за полярника, альпиниста или капитана дальнего плавания. Казалось, что он мужественен, отважен и великодушен. На самом деле Болотов был деловой, страшно нравственный и даже слегка занудный. Никаких дальних плаваний он не нюхал, в горы не ходил и совсем не любил кататься на лыжах. Должность заведующего отделом продаж его вполне устраивала.

— Видишь ли, мне хочется ребенка, — бесхитростно сообщила Лайма. — Да и тебе нужно обзавестись семьей. Для солидности. Ты же озабочен карьерным ростом, верно? А в такой большой корпорации, как ваша, на это очень даже обращают внимание.